ся въ Крымскія наши бани. шать подаеть, въ перча-ткахъ!...

валь, что этотъ самый графъ Толстой миз Прочитала — и говорить: ва. И даже самому царю извъстенъ.

ся, заговариваться... да сухіе въннки и под такого, помнится, содержанія:

нее даже, очень хогьдось по можно по студеной дужв. Мужикъ убивается надъ вается. — «Понимаю», — быстро и даже ратуры. чель «Войну и Мирь», лии и ночи читаль ней, но туть сибирякь вынимаеть тугой бу- весело говорить онъ и потираеть руки, на Святкахъ. Неянтересные разговоры про- мажникъ и даеть мужнику сотнягу-кате- какъ нашъ зубодеръ Шведовъ, передъ объединенія писателей и поэтовъ сдъдана Святкахъ, неинтересные рестороры про пускаль, а про Наташу очень понравилось, ринку. Мужикъ потрясенъ такимъ велико- тъмъ, какъ схватить щинцы, — «не бу- ла первую полытку выпуслить дешевыя и тоже въ нее влюбился. И про войну подушјемъ и не решатся взять, говоря: «Додемъ терять золотого времени, я по опыту
княги по предварительной подпискт. нравилось, про Кугузова и про Наполео- рогой баринь, за что мив такая отъ вась знаю, какъ вамъ не терпится узнать поско Опыть удался: читатель за 10 фр. нолуяв. Про Наполеона и про напрада, помилуйте!» — «Зато, что ты от рѣй мое мивнію». Геній провидить самое чиль двв книги представителей младшанрабабушка Устинья много про него раз-прабабушка устинья прабабушка устинь представительного прабабушка устинь представительного прабабушка устинь представительного прабабушка устинь прабабушка устинь представительного прабабушка устинь прабабушка устинь представительного прабабушка устинь прабабушка устинь представительного предоставительного предоставительного предоставительного предоставительного предоставительного предоставительного предоставительного предоставительного предоставительного пред прабасушка эстиныя явого про пето про пето преступленье! за то, что ты, мо- сейчась позвонить и скажеть «человъку»: подписчику, обязана молодая эмигранткакъ онь въ намъ во дворъ заходилъ, на жетъ быть, спасешъ этимъ прекрасное и са подать намъ сюда два стокана кръпка-Калужской улицъ, и прабабушку защитилъ невинное существо, дорогую мою племян-отъ грабежей, вельль заарестовать маро-кицу!» И съ этими словами направляется «Уръпкії, конечно, предпочитьсте?» Сейчась опыть повторяется. У деровь, и какъ наша москва горъда, а мой прикомъ въ показавшееся вдали селеніе. спращиваеть онь предупредительно-радуш-

но сестра отняла у меня тетрадку, и спря- равнодушна къ тонкоусому поляку, лихо нибуль, могу и вприкуску, так-съ...> тала, сказала - «нечего пустиками зани- танцующему мазурку и краковякъ, и заод сА я, ряби-новое люблю и... малиновое. Но не выгнали

и Лажечникова, и «Князя Серебрянаго», и университета и рашившій «служить наро- бюсты мудрецовъ. Я беру тетрадку № 1 и 12, rue de Poitiers Paris,

воть какъ. Со всего, говорять, свъту на по- грозу даже на четырехъ. Никогда у Турге- мужики мирно расходятся, хватають и ста- вать!» — и калиточное кольцо отстукнуло. дество Христово, Бога нашего, и есть Онъ воть коло, со всего, голорить, свых на не на четырехь страницахъ про природу нового, который оказался бъглычь солда- — «Вамъ кого?...» — не сказалъ, а рязк
Въ жизни и трудно, и горько, и нужфа Толстого. Такое разсказаль — встхъ ницъ плачутъ? Ахъ, несча-стныя онъ!... даже старикъ исправникъ, потягивая усъ, рълъ на тетрадки, на мою потертую гимна дюбять другь друга. Ну, хорошо, допустимъ, что несчастныя... роняеть слезу въ бокаль и говорить. са- звческую шубу... — «Что говорить, высокаго дара чело- отчего несчастныя? Отъ... любви?! Много лись въ экипажъ, растроганный: «дъти. — «Много у насъ графовъ... самаго можыть, знаменитые написаль ро-маны, и ты понимаешь про любовь... Ну, не спорь. мон. благословляю васъ!» дарь, что ужь говорить, на весь свъта ро- Да не надо же самому ихъ жальть, пусть И воть, въ благоговъйномъ трепеть, на Я сказаль, что мив надо знаменитато пижанисть... да только видно Господь его на- читатель самь пожалбеть. А ты — «ахъ, правился и въ Хамовники, чтобы умолить сателя графа Льва Толстого.

нодмахните, ваше сіятельство, чего вамъ жье солнышко льеть свои благотворные «Садитесь, молодой человъкъ», — аристостоить. Тоть и подмахнуль, жаяко, что ли, лучи вь тыла и души», гдъ «благораство-ему черниль-то! — графъ, моль, Толстой, ренный воздухъ мощно вливается въ юную еть онь на роскошное бархатное кресло у Москва-ръкъ. Зажигались фонарики. На-

него и перемугилось, сталь заговаривать- не хуже Тургенева, пожалуй. Романъ быль еть тетралки, и онв разсыпаются вверомъ

Въ эту пору я и самъ началъ писать ро- лякъ-управитель съ помъщицей, которая, на питковъ. А варенье какое любите?» Я не тала, сказала — «нечего пустивали запи на съ ними подкупленный полякомъ стано- не будемъ терять драгоцаннаго времени. ную русскую культуру. рой занимажи, изменя чуть изь гимназін ной, мошенникь изь мошенниковь. Дру- вы мив сейчась же прочтете сами страгой лагерь — прекрасная Аничка, сельскій ниць тридцать... а тамь посмотримь». На И стали меня мысли олодъвать, про раз- учитель — бывший студенть, «по незави- бархатныхъ стънахъ всюду классическия ные романы. Всего Загоскина прочиталь, сящимъ обстоятельствамъ» уводенный изъ каргины, портреты геніевъ и мраморные

рять, написаль, сво-е!.. До чего занесся, да въ жизни не озарить ея грустные гла-а?! новую въру проповъдуеть... тол-сто- за.... ла-ни?» — Ну, на что это нохоже Такъ мы и ахнули! У насъ тетушка си- «глаза ла-ни»?! Мало ли что у Кунера тво- сква-рѣку. Было въ началѣ зимы, день сум ки: жыла, изъ Сущева, чаемъ горячимъ поперх его! У Лермонтова..? Не помию, чтобы бы- рачный, съ оттепелью, каркали по садамъ — «По ихнему дълу, что ли... сочинятежришель поэдравить. Ужасно толстый, гла- ніе... почему еще? А потому, что: посль от церковь Николы-Хамовники. приходъ гра- жовть чтобы». ва съ бъльми ръсницами всегда закрыты, рицанія ставится, посль глагола... ка-кой фа Толстого. Смотръль и мечталь, въ вол Въ этотъ ужасный мигъ кто-то, голена-

то, вей его книжки купиль, дни-ночи все Я красиво переписаль, прочель за одинь присаживаюсь, едва осмъдиваясь коснуть- убхаль?..» читаль, дело забросиль... ну, въ башкъ у присъсть, и мив показалось замвчательно, ся кресла. Въ волнени рука моя выпускажогь! Знасте наши сухіс въники... порохь. Ранней весной, въ распутицу, пожилой собственнаго издълія. — «Ничего, не вол често. Помните сами пожарь-то нашь, госнодинь вдеть нивегнито чтобы сделать нужгесь», — говорить онь, помогая мив со «Пути небесные» — будеть напечатано въ ны Это еще не указано, откуда годхвыбольше мъсяца бани не торговали, — пря- пріятный сюрпризъ, въ глушь Н...-го увз- бирать тетрадки, — «я подозрѣваю, что одномъ изъ ближайшихъ воскресныхъ номо, насъ подкосилъ. Потушить то потуши- да, одного изъ живописнъйшихъ въ Россіи, вы написали романъ? Очень пріятно. Че- меровъ. ди, а всё книжки и тогъ партреть графа къ сестре въ имене. Вдеть онъ изъ Си- го же вы отъ меня хотиге?» Я хочу ему вы Толстого... начисто все спадило... всь книж бири, гле у него богатьйшіе золотые прі- сказать, какъ обожаю его, какъ счастливъ, ки поганыя погорыли и его за собой пота иски. Везеть его быльый мужичокь на то- что вижу его и могу теперь умереть спо-

щили, черезъ годь отъ чахотки померь, щей лошаденкъ. Следуеть подробный раз- койно. Но волнение не даеть сказать. Онъ царство небесное. Я про него слышать не сказъ мужичка про деревенскую бъдность понимаеть все. Кладеть свою геніальную могу, про графа, про Толстого! Въ старину и про злолбя-управителя, который выжима- руку на мою.... — это она, могучая, напи могу, про графа, про тологого: вы стария; при сокъ изъ крестьянъ. И пут сала геніальные романы! — и, читая во покупателей изъ-за экономическаго кри-

Пушкина. П учитель русскаго языка, замь дуэ. Аннчка и учитель горичо любять другь начинаю читать, давясь отъ страда. Онъ или, до 16 января, на выстапкь пада-

Про графа Толстого я слыхаль еще въ рвшиль я написать романь въ четырехъ ча- шій оставить имъ по духовному завіщанію ся потрясень, покорень... вы меня такъ... раннемъ детстве. Онь жиль за Крымскимъ стяхъ. Придумаль хорошее заглавіс, пом- несметное свое богатство, которое они упо Сумерки сгущались. Въ казармахъ намостомъ, въ Хамовникахъ, и его дворникъ ню, — «Два лагеря», все размътиль, на- требять на улучшение крестьянской жизни, чинали свътиться огновками окна. Волоча и еще какой-то «человъкъ» ходили мыть- браль героевъ, придумаль фабулу... А я Съ ними же и энергичный сельскій священ ноги, я прошель мимо церкви Николы- Хатогда ужь вев тонкости понималь: гдв никь сь женой, на которыхъ молятся му- мовники, мимо пивовареннаго завода, отку-Поворням у насъ, что онъ страшный описанія природы надъ дать, гді лириче- жики и бабы. Батюшка съ матушкой зани- да тусто потягивало бардой. Старикъ-фоботачь и большой чудакь, все чудить... ское отступление, поэтический восторгь, эпи маются самообразованиемь и читають та наришкь ковыляль съ лъсенкой, зажигаль а пожануй, что и скупець: дворникъ и «че- логь... все какъ надо. Целое лето прово- кін, напримеръ, сочиненія, какъ Бокль. замиы въ фонарикахъ. Въ благоговейномъ жания въ «дворянския» бани, за графъ Толстой, — отъ та-кихъ-то капиталовъ! — всегда въ «простыя», за пятачокъ. Возьметь въничект за радокъ исписаль. А во мнъ ужъ давно за- дядюшка неожиданно находить въ паркъ об ся. Подъ разръсистыми березами темнъль монетку и парится-мается, и все самъ, безъ съло: пойти къ графу Толстому, достукать- роненную полякомъ записную кинжку съ домъ. И туть каркали вороны, къ сивгу. парильщика, потереть даже спину не по- ся до него черезъ того «человька», умо- документами и узнаетъ, что управитель не Глухо брехала собака. — должно быть, ста кличеть. Видать его не видали, а, говорять, лить, чтобы прочиталь романь и сказаль что иное, какъ бъглый каторжникъ, убив- рая. Домъ двухъэтажный, деревянный, оббываеть... ра-но прилеть, никто и не услв- мнв по чистой совъсти, можно ли мнв пи- шій въ Сибири инженера и завладъвшій шитый тесомь, наверху мезанинь, и въ дить, что, моль, графъ Толстой, а такъ, му сать романы. Романъ вышель у меня от- его бумагами. Крестьяне, доведенные до от немъ засвътилась дамна съ зеленымъ доажичокъ и мужичокъ, въ полушубкв и въ личный, прямо — захватывающій, и чи- чаянія поборами управителя, собираются журомъ. Я, наконецъ, решился и позвоваленкахъ. И еще говорили, — не то, буд тался съ громаднымъ интересомъ. Я хра- бунтовать, но туть влетаетъ на тройкъ ля- нилъ, чуть слышно. Долго не отпирали. Со то, во святые собирается, не то въ головъ ниль его въ глубокой тайнъ, пряталь на хой капитань-неправникъ съ урялниками, бака все брехала, сиплый голосъ ея срыу него чего-то чу-дить! Самъ за водой черлакъ, чтобы сестра не выкрала. Но опа Пока исправникъ говорить ръчь мужикамъ. вался. Во дворъ хрунала лоната, - сгребана бысейну ходить, а «человик» ему ку- какъ-то изловчилась и вырвала у меня од- увъщевая ихъ разойтись, иначе будеть ху- ли сиъгъ. Чей-то недовольный голосъ крик Въ серединъ суровой зимы, когда были слушаетъ, — что они тамъ все жарятъ. разсказывать, — повсть даже не далуть, про луну даже на двухъ страницахь, а про теперь открылась. Управителя хватають, мусь воть — узнаете у меня тогда бало- душа, что воть есть праздникъ — Рож-

ли къ себъ въ теревню ...» -- и хотъль за-

нула, даже на рясу батюшкѣ. А еще сидъль зель. А почему я тебъ подчеркнула? Нъть, мерэшей баркѣ, смотрѣлъ на тотъ берегъ, ихъ дѣла поспокойнъй. И графиня не веарендаторь банный. Иванъ Кондратьичь, не только это, не только неудачное сравне- къ Хамовникамъ, на казарчы, на красную дить такихъ бумагъ принимать, не безпо-

я все зъваеть. Зъвнеть — и покрестить падежь..? Ро-дительный, а не ви-нитель- неніи, какъ увижу сейчась великаго Толсто стый и прыщавый въ гимназической фу- Я это пошель было за квасомъ, а мив ротъ. Наслушался про Толстого, и сталь ный! Ну, исключенія бывають, а надо го... — и въ воображенін проходили чару ражкт и синей курточкт, общитой стрымь говорять: "Нёть квасу". А барана. такъ стверть. жено. Тебя, за непорядокъ какой, —штрафъ про сухую березу. А клятва на могильной назисть-писатель, неръшительно морщится, не прихлоннулъ мою руку и погнался за ватымъ, какимъ-то ненужнымъ. сейчась, а имъ противъ Бога дозволено. плитъ... у Марлинскаго про эти клятвы». но благородное чувство синсхожденія бе- голенастымъ: «ну, стой теперь су-кинъ Зло-то, сразу его не прижечь, оно вогь ка Сестра очень много читала, хорощо зна-кія послідствія можеть оказать... не угод ла теорію словесности, й мніг пришлось онъ пишеть сейчась романь, который зат-Слышаль я сиплый голось, и тойоть ногь.

Пріятель Кол три послідствія можеть оказать... не угод ла теорію словесности, й мніг пришлось онъ пишеть сейчась романь, который затно ли послущать. Мой Ванюшка такт че признать, что ся критика во многом спра изгъ все прежие, велика... хотя става заниж инталь по послущеть. В поступись и послущеть А воть такъ и погнов. Все книжки читаль но нравилось, я только для виду согласия- по обыкновенію, въ суконной блузь, под- це щеголя-гимназиста, — можеть быть. Какъ его, значить, разобра-ло... и купилъ И многое понеправиль, посократиль «ли- съ великими лишеніями купленномъ за цъл яростно, рвалась и гремъла цъпью. Въ до-

Ванюшка и дан тому «человьку», ин-ать встрычаются, осоченно когда двистые по преносится въ деревню. А у меня весь ро- Мохнатыя его брови насуплены, когда онъ ять. Потянуло жареной рыбой съ лукомъ, стый, животъ какой у него! таскаль изъ сборки. И уломаль того «чело- манъ развивается въ деревнѣ, въ роскош- впивается всевидящими глазами генія въ по-постному. Въ голыхъ березахъ, осѣняв таквать попросите, дескать, графа Толстого номъ барскомъ имвнін, гдв старые пруды и бледное исхудалое лицо неизвестнаго моло шихъ чудесный домъ, легь желтоватый отна память подмахнуть... расписаться, по- развалины былой роскоми, гдѣ «мать-зем» дого человька. Конечно, онъ прозръваеть, свъть, — должно быть, изъ нижнихъ оконъ на память подмахнуть... расплоаться, по намять подмахнуть... расплоаться по намять подмахнуть... расплоаться по намять подмахнуть... расплоаться по намять подмахнуть по намять по намять

мрописанный тоть партреть. — севсим и какъ же выбрасывать описанія природы, будьте, какъ дома!» — «Ничего-сь...» — гивало сивжкомъ. Въ концѣ переулка вспом — икт. это опиблетесь. — Нат. укт. это опиблетесь. — Нат. укт. это опиблетесь. одуръль. Подъ золото разукрасиль, повъ- когда природа у меня — главное дъйствую едва ленечу я, хочу добавить, что могу и нилось: «портрета-то не оставиль «человъ силь въ нередній уголь, будто нкона у не- щее лицо, — пусть угадають критики.

Такъ, постоять, но голось замираеть, и я ку»...! а можеть быть и «человъкъ»

Подписаться можно по почть: B: Ianovsky. c: o: Roerich Museum

чательный человъкъ, Федорь Владимірычь друга, но таять это въ глубинъ души, втай прикрываеть рукой глаза. Захватывающая тельской коллегіи, тамъ же. Подписчивноша. долишением 10 чего-нибудь». И роды. Съ ними дядющка-сибирякъ, ръшив де-сио..! — взволнованно говорить онъ, — Подписная плата — 10 фр.

Хорошо-съ. Какъ получить мой Ванюшка Грудь, не знавшую никогда корсета»! И письменнаго стола, — «не смущайтесь, встръчу сыро тянуло вътромъ, липко посте

Такъ я и не повидаль Толстого. Не повидаль и посль. Ив. Шмелевъ.

никъ съ ужасомъ узнаеть про назръваю- мн проникающимъ въ душу взглядомь, зиса чрезвычайно сузился, и появленіе о живьемъ сожиль, од толос двисе.

Совсьмъ былъ необразованный. А я ужъ щую въ имъніи драму. Сестра ввърнлась дасково говорить: — «Не воднуйтесь, моло новыхъ книгъ стало почти невозможтогда многое понималь. Прочиталь «Дът» дитрому и низкому подяку-управителю, дой писатель. Когда-то и я тоже начиналь, новых внигь стало почти невозлож нымь. Исключение дълалось для автотогда многое понималь, прочиталь «Дог подпада подъ его вліяніе, — у него были и вст мы богда-то на тоже начиналь, нымъ. Исключеніе дълалось для автотомъ «Смерть Ивана Ильича», купиль у махіе усы, въ стръдку! — и хочеть насиль дъ груды листовъ, исписанныхъ его харак провъ наиболѣе извъстныхъ пли матерівання подпада под вето свою отвиственную точь. носящаго за гривенникъ, не понравилось но выдать за него свою единственную дочь, тернымъ, геніальнымъ, почеркомъ. — «Вы книги за собственный счетъ. Такимъ обносящего за гривенникь, не понравилось но выдать ов исто свои сдинствопали доло, инф. скучно написано, про одного чиновника, какъ заболъль и номерь. А «Казаки»

венникъ потрясенъ и велить погонять до
тришло я, какъ удущаемый. — «ради
разомъ, младшее покольне эмигрантскихъ писателей, не успъвшихъ добитька, какъ засолъть и померь, д эпосонку и про очень понравились, про дядю Ерошку и про шадку, чтобы предупредить трозящее не бога, нельзя ли про... читать...» — я не скихъ писателеи, не успъвшиль дооплеочень понравились, про дадю врошь; и про дадо врошь; и про дадовательную Марьянку... влюбился въ счастье. Дорога ужасная, лошаденка выби- дерзаю сказать — сомань», — сян.... ся извъстности и въ оольшинствь свонее даже, очень хотьлось на Кавказь по- вастея изъ силь, падаеть и изымаеть вы это... эту... страницы, и...» — голось сры-

прадълушка ушель на Воробьевы Горы съ Поточъ въ имъніи начнается борьба. Обнаны. Написаль почти подромана, изъ рус-старости льть, какъ г-жа Гурмыжская въ смъю сказать — черносмородиновое, и едписателей. Мы обращаемся къ амигрант ской общественности и къ отдъльнымъ ру, съ горячей просьбей поддержать съовиъ участісяв младшехь нашихь собратьевь, свободную русскую книгу, свобод-

Ив. Бунино, Д. Мережковскій.

Цвътаевъ, меня хвалилъ все: «старайся чъ страдають и любуются красотами при- сцена, когда падаеть лошаденка.... — «Чу- ковъ просять указывать свой адресъ.

Стихотвореніе

Не уберечь. Отдать. Истаять. Изь тесныхъ вырваться оковъ, Своей души, переростая Случайный, ненадежный кровъ.

И этоть мірь себялюбивый, Ревнивой замкнутый чертой, Гав въ зеркало глялясь пытливо, Своей гордилась ты мечтой,

Еще не зная отвращенья, Не забольвъ еще тоской И жажлою преображенья Той жизни, скудной и глухой. Енатерина Тауберъ.

константинъ коровинъ

Рождество Христово

ну тетрадку. Я ее на кольняхь модиль — до, управитель со становымь заманивають нуль: «да буде баловать, махонькіе, всам- короткіе дви и уже въ три часа наступа-Потомъ, когда я сталь постарие, я уз- не рвать. Ну, она снизошла, не разорвала. Аничку въ паркъ, какъ бы для того, чтобы дъль, что ли!» Въ заборъ со двора плюхну ли темные сумерки декабря, среди по- стола и стелитъ новую бълую скатертъохранить отъ разбушевавшейся толпы, а на до комомъ снъга, и забрехала яростно соба крытой снъгами России, въ городахъ, жыть, что этоги самын графь гологон ил. — «Знаешь что. писатель.... у тебя все- самомь даль — чтобы умчать на приготов ка. Я подождаль и позвониль опять. Льни селахъ и обдной лачуть у глухого льса тово? ему илуть...—не знаеть, куда дъвать,—съ таки ничето выходить, только зачемь ты ленной тройкъ. Въ этотъ критическій мо- во зашмурыгали шаги, и въ заборь глухо привътливо въ канунь великаго празд. ему илуть...... не знаеть, куда дъвать, съ таки ничего выходить, только зачоль ты толок в на потра дяннуло. -- «Говорю, за вороть натекло!» ника нашего, Рождества Христова, въ кашей набиваютъ. Гусь-то готовъ. Меня на роду... — «челоных» его вы баняхы ды... то заходы солица, то восходы солица, то восхо

не бываетъ, не ври. Бери лучше примъръ томъ и разбойникомъ. Помъщица падаетъ нуль сердитый дворникъ, въ рукъ доната. да, и незадача, и неправда живетъ межъ потомъ, поступивъ въ гимназію, я уз- съ Толетого. II потомъ, зачімъ у тебя все въ обморокъ, кается со слезами и дасть со- Сніговымъ комомъ дяннуло его въ загри дюдей. А воть есть Рождество, есть на- виль на столь тарелки. наль, что графь Левь Толстой — самый — ахь, да ахь! У Гоголя, во- гласіе на бракъ Анички съ учителемъ. Всь вокъ, брызнуло и въ меня. Онъ сталь выко дежда, есть Свъть Разума. Обойдется все внаменитый писатель, другого такого ивть. первыхъ, не такъ часто... А это что еще... идуть закусить за роскошно сервированный выривать изъ-за ворота мокрый сивгъ, а это злое, нечестное, обманное. житей-Помию, было на Рождествъ. Пришли къ — си прудъ свътился, какъ... опрокинутое столь, лядюшка произносить рачь о красо самъ глядъль на меня сердито, собираясь ское, низменное. И придеть и возсіяеть пмъ звазду смотрать, и номин, умай на гождетов. Пришля на прудо святием, на придо святием, на придостивность придости модитвы чайку откущать, выпили-закусили голя мало ли что есть...ты не Гоголь. Н по- щимъ мужемъ дають клятву до самой смер ему тетрадки и сказаль невнятно, что.... человъческая, смягчится душа человъка — Это что-жъ такое? — возмутился — батюшка и сталь разсказывать про гра чему у тебя кавушки на кажлей почти стра ти служить этому прекрасному народу, и служить общество служить общество служить народу, и служить этому прекрасному народу, и служить общество служить народу, и служить народу, и служить общество служить народу, и служить народу с

На кухић, въ моемъ деревенскомъ до- сота, поззін. — все ни почемъ, только мъ хлопоты. Тамъ жарятъ, варятъ, — бы жрать. гусь, поросенокъ...

жазаль... помраченіе ума стало, оть гор- несчастная Аничка!»... ІІ воть, это еще: графа Толстого прочесть романь п ръшить — «Во-онь пого вамь..! Нъту пхъ, утка озабоченные. Зашель ко мнт въ комнату, томъ, вонъ вправо, между елкамп. то изменился въ лице, глаза круглые, видать. Вонъ она надъ моховымъ болосказалъ:

— Гдѣ перецъ?

прошель молча мой слуга Ленька. Тет- томъ. Она была прекрасна на темномъ жали пов сущева, частв горичных понера по нервения, на всехъ и фырк- до — «глаза газели», выдумываешь про га вороны въ сибгу. Присклъ помню, на за- ли? Ибту ихъ, въ «Исной» они, тамъ для Ка диросинъм сервения. В помню, на за- ди? Ибту ихъ, въ «Исной» они, тамъ для Ка диросинъм сервения. В помню по не замъчають. Барана мо- елей. Какъ радостелъ и заманчивъ былъ кухни. Они какъ-то все примолкли Тамъ рилось, что тамъ, подъ этой звездой, горить, кипить работа. Завтра Рожде- есть святое, прекрасное, - есть счастье...

барашкомъ, ляпнуль огромнымъ комомъ въ прямо по заду-разъ! Онъ прямо бѣгомъ — «Чего же это начальство допускаеть, сада... примо, у Гоголя содраль! Это же Мит ярко представлялось, какъ Толстой загривокъ дворнику, и меня залѣпило сив ко мит и смотрить въ страхъ бъльми а?! А потому, что гра-фы, имъ все дозво- «садъ Плюшкина»! И про хмель у тебя, и узнаеть отъ «человъка», что пришель гви гомъ. Дворникъ хлопнулъ калиткой, чуть глазами. Прямо чувствуешь себя вино-

Пріятель Коля Куринъ лежить на тах-

— и дочиталь, про графа про Толстого. ся и вычеркнуль, а потомь опять вставиль. поясанной ремешкомь, какъ на портреть, «самого молодого графа»? Собака брехала в Вифлемскую — Это говорять зав- И Юрій разсерження аваранный природы не какой природы не ваньшка и дай тому «человѣкъ» мыться ходиль. Даже у самого Толстого они дайствіе передыка и дай тому «человѣкъ», ин-ать встрѣчаются, особенно когда дѣйствіе передыковыхъ!... Откула-откула, — понятно, природня в деревню. А у меня весь ро- можнатья его брови насущены когда онь полько пород оттого оны подъжнать стотого оны подъжнатья его брови насущены когда онь подъжнать стотого оны подъжнать стотого оны подъжнать отъ... Зьва Толстого оны подъжнать стотого онь и толстый, ужасъ какой только пород оттого онь и толстый, ужасъ какой только пород от пород о

- спросиль его пріятель мой, докторь ливаеть рюмки и всв поздравляя другь

— То есть какъ это гдъ? Она вотъ къ

двінаднати часамь ночи обудеть нать докторь Ивань Ивановичь, — молодчинагоризонтомъ на востокъ Это воть по ту Гусь съ капустой — прямо ты поваръ! - Нътъ, ужъ это ошибаетесь, — ска-

здесь неть, неть-съ-— То есть какъ это нъть звъзды? -

ны. Это еще не указано, откуда голхвыто по звіздів шли въ Вифлеемъ. Можеть быть, отъ насъ, отсюда.

Сразу отворяется дверь, и въ комнату вбътаеть Ленька, береть со стола само. варъ и посившно уходитъ.

— Постой! — кричу я - Кула ты са моваръ ташишь? Мы еще пьемъ чай. Ленька въ дверяхъ говоритъ:

 Юрій Сергфевичь веліли убрать. и уходить.

Пойди, Иванъ Ивановичъ, теби Юрій

Возвращаясь. Ленька убираеть все со

- Что, скоро у нихъ тамъ булетъ го-

 Спроен. — говорю я Ленъ, — Юрія Сергвенича -- мы хотвли пройти на крыльцо посмотрать Вифлеемскую звазду.

Ленька ушель и, пернувшись, поста-

-- Ну, что-жъ, ты спросиль?

для него все. Звъзда Вифлеемская, кра-

- Да въдь вотъ, - говоритъ Лень-Композиторъ Юрій Сергвевичь какъ- ка, — ее, авъзду-то, и отсюда въ овно

Мы всв подошли къ окну. И правда, невысоко надъ горизонтомъ мы увидели — «глаза ла-ни»! У дъвушки — и вдругь со стопой тетралокъ черезъ замерзшую Мо- зало; онъ опять поглядъль на синія тетрал рець и ушель. Въ коридоръ мимо меня да, играя, то синимъ, то краснымъ свъ-— Это же Венера. — сказалъ Коля Куринъ. - только и всего. Она, брать, на

> Въ это время вошелъ Юрій, таща за рога барана.

- Посмотри, Юрій, сказаль довторъ,

- вонъ зивзда Вифлеемская. — Довольно! — кричалъ Юрій Сергѣевичъ, - привяжите барана вашего! Ес-- Юрій, знаешь, тамъ жарить, варить. ди еще онъ лізть будеть на кухию, бо-

Въ полночь за столомъ сидять — Это гдѣ же вы Вифлеемскую звѣзду, ятеми. Всѣ. Дѣдушка, тетенька Афроса-Николай Васильевичь, завсь увидели? нья, феоктисть, Юрій Сергвевичь на-

> друга съ праздникомъ, выпиваютъ-—Ну, Юрій Сергѣевичъ, — говорить

— Поваръ, поваръ.. Я по книжкъ повареной готовиль, надо читать, да на чазалъ. вставъ, докторъ Иванъ Ивановичъ си смотръть, а то засушишь. Когда кашу — Это здъсь не Вифлеемъ, а съверъ, класть тоже знать надо... капусту... А Владимірская губернія. Этой звізды туть этоть вашь барант, ліззеть — бодается Глупъ невъроятно. Раздражаеть. — Карахтеръ у его върно — упрямый, озорной... — замѣтилъ дѣдушка, сторожъ

> Весело на столъ свътились свъчи, вставленныя въ старинные подсвѣчники, ос. въщая хрустальные бокалы, а за ними видны окна моей деревенской мастерской — синія, темния, гав далеко въ неввдомомъ крав блествла красавица звъзда-

Пріятели мон были веселы, толкался около стола баранъ съ завитыми рогами, мой Фебъ и ручной Заяцъ. И пріятеля мои, и Фебъ, баранъ и заяцъ, и далекая Вифлеемская звъзда какъ то сливались — Что дълается! — "велъли убрать". вмъсть въ пріязни и радости праздника. Константинъ Коровинъ.

На рождественскомъ объдъ

моего дома.

мать и сынъ

«Сендей Диспетчъ» разсказываеть ин- задась его сосъдкой. С. Шнейерь обратиль рождественскомъ объдъ.

цатильтняю юношу, въ Лондонъ на па- Шнейеръ назваль себя. роходъ, уходящій въ Канаду. Юноша, убхав шій искать счастья, аккуратно писаль матери, но затъмъ переписка между ними оборвалась и, когла тридцать лёть спустя, Сергьй Швейерь, уже взрослымь человькомъ, устроившимъ свою жизнь, вернулся въ Лондонъ, онъ никакъ не могъ разыскать мать. Въ своихъ поискахъ онь обощель всъ русскія учрежденія, общества, библіоона, повидимому, ублаза изъ Лондона.

Тамъ временемъ подонью Рождество, и С. Шнейерь быль приглашень на рождеотвенскій объль вь малознакомый ему на инсьма матери, воля въта, перестала ему инсать. домь. Придя на объдъ, Шнейеръ засталь многихъ гостей. Знакомясь съ ними, онъ обратиль внимание на даму, лидо которой показалось сму знакомымь.

Какъ часто бываеть при взаниномъ пред ставленін, на онъ, ни дама не уловили фамиля тругь друга за столому даже ока-

тересную исторію русской женщины и ея вниманіе на то, что она все время поглясына, не видъвшихся въ теченіе 13 льть дываеть на него. Онъ замьтиль также, что н случайно встрътившихся въ Лондонъ на хозяйка дома, съ которой онъ также познакомился лишь недавно,внимательно слъ Въ 1922 г. нъвая Елена Шнейеръ, эмигрировавшая вытесть съ сыномъ Сергвемъ ратившись къ нему съ вопросомъ, вскользь изъ Россіи, посадила сына, тогда семнад-

Читателю ясно, что соседка Шиейера за столомъ оказалась его матерью. Легко себъ представить, какое волнение и радость охва тили обоихъ.

Шнейерь объясниль матери, что судьба занесла его въ страшную глушь на островъ Гершель, въ 1.800 миляхъ отъ ближайшей желвзной дороги. Почта приходила туда теки и т.д., но вездв ему говорили, что алресъ Елоны Шнейеръ неизвъстенъ, и что находился въ отсутствии, разъезжая по леламъ торговой компаніи, въ которой онъ ра боталь, а следовательно не могь отвечать на письма матери, которая, не получая от-

ПОЖЕРТВУИТЕ

на борьбу съ туберкулезомъ.

Можете посылать въ «ВОЗРОЖДЕНІЕ»